

ПАМЯТИ МИХАИЛА ДМИТРИЕВИЧА КОНДРАТЬЕВА

11 июля 2021 года на 93-м году жизни скончался старейший сотрудник Пушкинского Дома, многолетний ответственный секретарь журнала «Русская литература» Михаил Дмитриевич Кондратьев. Завершился долгий и плодотворный путь человека яркого, неординарной личности с умом, характером и убеждениями. Его профессиональная карьера началась вполне традиционно. Окончив русское отделение филологического факультета Ленинградского университета в 1952 году, в течение пяти лет Михаил Дмитриевич преподавал литературу в Ломоносовском морском и Ленинградском мореходном училищах, а затем поступил в аспирантуру и осенью 1957 года был зачислен в штат Института русской литературы в качестве младшего научного сотрудника и редактора только что возникшего пушкинского журнала. Последнее обстоятельство стало поворотным пунктом в его биографии. Обладая всеми качествами, необходимыми для успешной исследовательской работы, Михаил Дмитриевич в силу свойственного ему перфекционизма отказался от стези ученого и волею судеб избрал научную журналистику как область приложения своих филологических и организаторских талантов. С весны 1963 года в течение сорока с лишним лет он был ответственным секретарем «Русской литературы». Но даже добровольно покинув свой пост в апреле 2004 года (что далеко не часто встречается в академической среде), годами продолжал исправно посещать редакцию, принимая деятельное участие в ее текущей работе.

Журнал «Русская литература», как и целый ряд других инициированных институтами Академии наук СССР новых периодических изданий конца 1950-х годов, в момент своего возникновения был характерным «оттепельным» проектом с широкой программой исследований в области истории русской литературы на всех этапах ее существования и установкой на сотрудничество как с советскими литературоведами, так и с зарубежными славистами. Такой подход требовал не только от главного редактора и членов редколлегии, но и от руководящего редакцией ответственного секретаря обширных знаний и особых компетенций. Не удивительно, что свой рабочий день Михаил Дмитриевич неизменно начинал с посещения читального зала библиотеки Пушкинского Дома, где знакомился со свежей прессой, текущей периодикой, новыми научными изданиями. И эту интеллектуальную привычку быть в курсе филологических нови-

нок, а также новостей культуры и политики, равно как ясность ума и умение жить интересами сегодняшнего дня, т. е. быть современником в каждый момент своего исторического времени, он сохранил до последних дней.

Позиция ответственного секретаря одна из ключевых в любом журнале. По сути он является модератором всего многоступенчатого процесса превращения ряда разрозненных материалов в осязаемый номер. В круг его обязанностей входит не только переписка с авторами, подбор рецензентов, организация заседаний редколлегии, руководство редакцией, весь комплекс взаимоотношений с издательством, но и разрешение неизбежных противоречий между участниками этого вида деятельности. С последней задачей Михаил Дмитриевич справлялся с блеском истинного дипломата. Как справедливо отметила в свое время заместитель главного редактора «Русской литературы» Г. Я. Галаган, «те, кому довелось работать с ним, хорошо знают, сколь велика была роль его опыта и выдержки в преодолении конфликтных ситуаций, неизбежных в деле, где извечно существует потребность в защите высоких моральных принципов от размывания щелочью релятивизма» (Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 382).

Михаил Дмитриевич принадлежал к поколению «детей врагов народа». Репрессии непосредственно коснулись и его собственной семьи. Всю жизнь он с болью вспоминал печально знаменитое «проработочное» заседание в Большом актовом зале Ленинградского университета, где шельмовали почтенных профессоров — славу отечественной гуманитарной науки. «В назидание потомству» организаторы согнали на это мероприятие студентов-первокурсников и предусмотрительно закрыли на ключ входные двери. Острое чувство стыда, которое Михаил Дмитриевич испытал в тот день, стало своеобразным камертоном его отношения к людям: стремление встать на сторону несчастных и гонимых, а также терпимость к инакомыслию при всей твердости личных убеждений. И эта травма, без сомнения, определила научный интерес Кондратьева-аспиранта к нравственной проповеди Л. Н. Толстого, которая, в свою очередь, оказала влияние на строй личности Кондратьева-человека.

В период застоя, когда красный карандаш цензора бесовски порхал по благородным листам гранок, выкорчевывая последнюю «крамолу» из уже отредактированных и мно-

гократно просеянных сквозь сито авторской самоцензуры под недреманным оком «идейных» членов редколлегии статей, именно Михаил Дмитриевич — не только по должности, но в силу исповедуемого нравственного императива — был тем, кто бился в Главлите за каждое слово. Ему, человеку слишком долго и близко сталкивавшемуся с цензурой, безусловно, была близка максима «Запрещено запрещать». Именно благодаря Михаилу Дмитриевичу в условиях цензуры и партийного руководства «Русская литература» стала академическим журналом с человеческим лицом. Вот почему с началом Перестройки он всеми силами способствовал приходу в редколлегию наиболее авторитетных ученых своего поколения, которые в результате стерли «случайные черты», искажившие облик «Русской литературы» в позорное не только для гуманитариев предшествующее двадцатилетие. Экономические трудности следующих лет поставили академические журналы на грань выживания. Многие из них приостановили выход в свет или вовсе прекратили существование. Но Михаил Дмитриевич продолжал работать над номерами вопреки нарастающим финансовым и организационным проблемам и этим спас свой журнал на крутых виражах истории.

Редакционную деятельность Михаил Дмитриевич воспринимал как миссию. И потому считал своим долгом всячески продвигать в «Русской литературе» заслуживающие внимания работы провинциальных исследователей, а также начинающих ученых, которые нередко редактировал сам. Именно здесь многие пушкинодомские аспиранты опубликовали первые в жизни статьи и тем самым вступили в большую науку. В начале пути им посчастливилось работать над текстом с таким тонким стилистом, умным, внимательным и доброжелательным редактором, как Михаил Дмитриевич. Среди прочего, так формировались их представления о качестве подготовки рукописи в печать. Впоследствии многие вспоминали об этом с благодарностью.

Журнал был всей жизнью Михаила Дмитриевича. Осознавая место этого издания в истории отечественной науки второй половины XX века, как настоящий историк он сделал еще одну важную вещь — тщательно подготовил и передал в Рукописный отдел Пушкинского Дома редакционный архив «Русской литературы».

Вместе с тем большой общественный темперамент не позволял ему сосредоточиться исключительно на работе в журнале. Причем благородной целью этой деятельности было

именно служение ближним. Вот лишь два характерных примера. Зная его глубокую порядочность, коллеги делегировали Михаила Дмитриевича в профсоюзный комитет Института. И к своим новым обязанностям он отнесся отнюдь не формально. При решении спорных вопросов, несмотря на давление влиятельных лиц, Михаил Дмитриевич всегда занимал принципиальную позицию, не боясь навлечь на себя неприятности. Если же дело касалось реальной помощи людям, попавшим в беду, он прилагал все усилия, чтобы выручить, оказать и материальную, и моральную поддержку. Другой случай касается непосредственно редакции «Русской литературы». Друг юности Михаила Дмитриевича, филолог-русист Юрий Константинович Рыбников, трудившийся в издательстве Эрмитажа, после разгрома знаменитой «такелажной» выставки (1964), одним из участников которой был его добрый приятель поэт Владимир Уфлянд, был изгнан с работы с «волчьим билетом» и долгое время вынужден скитаться по пригородным музеям в качестве экскурсовода. Несмотря на пристальное внимание партийных органов к «идейной выдержанности» сотрудников любых, в том числе и академических, печатных органов, Михаил Дмитриевич добился того, что Юрий Константинович вернулся в профессию. На протяжении тридцати пяти лет он был высоко ценимым авторами редактором нашего журнала. Юрий Константинович ушел из жизни незадолго до самого Михаила Дмитриевича — 3 июня 2021 года. Их многолетняя дружба, вопреки разнице характеров и противоположности политических взглядов, была ярким образцом взаимной толерантности по-настоящему интеллигентных людей.

Когда накануне 90-летия ему задали вопрос о подарке, Михаил Дмитриевич ответил, что хотел бы еще раз побывать в Пушкинском Доме. И силами друзей и близких это желание удалось осуществить. Несмотря на то что он уже лет десять не был в Институте, поприветствовать юбиляра, выразить ему свою любовь и уважение собрались десятки пушкинодомцев разных поколений. До конца верный самому себе в ответном благодарственном слове растроганный отношением коллег Михаил Дмитриевич признался, что все же главным подношением этого дня стал для него свежий номер «Русской литературы».

Светлая память!

*Друзья и коллеги
по Пушкинскому Дому*